

Текст · 24 июня 2020, 14:12

Анастасия Ясеницкая,

Семь дней на ногах. Что рассказали членам избирательных комиссий об их работе на голосовании по поправкам

Голосование по поправкам в Конституцию начнется в четверг, 25 июня и продлится семь дней. Фактически это означает, что члены избирательных комиссий будут работать в течение недели как минимум по 12 часов. «Медиазона» поговорила с теми из них, кто выслушал инструктаж на своих участках, экспертом движения «Голос» Василием Вайсенбергом, и выяснила, как ЦИК представляет себе работу УИКов на этом мероприятии.

Один из собеседников «Медиазоны» в итоге решил не участвовать в организации голосования по поправкам. Второй подписал обращение к работникам УИКов с призывом к забастовке, но сам намерен присутствовать на участке как минимум при подсчете бюллетеней.

Член московской УИК с правом решающего голоса, попросивший об анонимности

Обычно голосование идет один день, а тут семь дней — и все будут полноценными днями голосования. По состоянию на 17 июня был такой план: восемь членов комиссии, двое сидят на книжках^[1], и двое ходят по надомному голосованию. И каким-то образом они меняются. То есть четыре человека один день,

четыре человека другой день. Таким образом будет проходить голосование.

Формально на самом деле вся комиссия должна быть, потому что должен быть кворум. Но они предложили по четыре человека. Председатель предложил так работать первые три дня, с 25 по 27 июня. С 29 июня по 1 июля будет работать вся комиссия: все люди, которых смогут найти.

Собственно, поэтому я и принял решение выйти из всего этого мероприятия: я физически не смогу сидеть там семь дней с восьми утра до восьми вечера, чтобы не пропустить ничего.

Ну то есть, условно говоря, я приду 25 июня, посижу на книжках, кто-то будет ходить на надомное голосование, а следующие два дня не приду, и [потом] у меня там будет полная урна. Как это все происходило? Кто там голосовал?

Кроме того, я не знаю, какой 24 июня^[2] будет список надомников. В прошлый раз мы вызванивали надомников, уточняли, к кому приходить, к кому не приходить. У нас было около 20 человек. Сейчас я уже не могу сказать, сколько там будет 24 числа. Иначе говоря — нельзя сказать, что уследить совсем невозможно, но если не смотришь за всем процессом, то очень велика вероятность фальсификаций.

Я увидел двух новых людей в комиссии, их не было на прошлых выборах. Председатель сказал, что сейчас идет «процесс их ввода в комиссию». Я не очень понял, что имеется в виду, и насколько это возможно — таким образом вводить людей в комиссию.

Председатель сказал, что выдали защитные средства — маски, перчатки и санитайзеры. Я спросил его, каким образом будет организован проход людей на участок, как будет соблюдаться дистанция, кто это будет контролировать, как будут запускаться люди внутрь. Он сказал, что разъяснений никаких нет, пояснений нет, блокнотов нет, инструкций нет. Сказали, что обеспечивать порядок будут какие-то волонтеры. Какого-то регламента, как люди будут голосовать, на тот момент не было.

Порядок голосования на дому тоже был не определен. [Председатель] сказал, что, скорее всего, точно так же, как и раньше. Атмосфера была такая, что никто ничего не знает, зачем мы сюда пришли, и непонятно, как мы будем работать.

Перед каждыми выборами есть закон или указ о выборах. Раздают разъяснительные материалы, их называют блокнотами: в них по часам расписан день голосования, что за чем происходит, когда какой протокол, когда какое объявление должен сделать председатель и так далее. Этих блокнотов на тот момент^[3] тоже не было.

Андрей Вельдер, член УИК 809 с правом решающего голоса в московском районе Зябликово

Я еще не решил, но, видимо, буду работать все-таки в последний день на подсчете. Может быть, выйду на один-два дня перед этим, чтобы посмотреть на процедуру досрочного надомного голосования.

[В комиссию] спускают поквартирные списки, сидят и обзванивают людей. Раньше обзванивали только тех людей, которые действительно неходячие, и спрашивали, не нужно ли вам принести [переносную урну]. Таких на нашем было участке около 50. Сейчас все по-другому. Нужно обзвонить абсолютно всех и сказать: «Если вы хотите, то мы к вам обязательно придем». Нет уважительных причин для надомного голосования, как раньше. Любой может сказать: «Я хочу, чтобы ко мне пришли домой». И к нему придут домой.

Что не так с голосованием о поправках. Десять отличий от выборов и референдума

Какая была раньше форма надомного голосования? Ты зашел, попросил у человека, который сидит дома, паспорт, сверил его личность с паспортом, выдал ему бюллетень, попросил его заполнить и опустить в урну. Какая форма сейчас? Ты позвонил в дверь, повесил на дверь мешочек со всеми информационными материалами, тебе приоткрыли дверь, в щелочку показали паспорт, ты должен отойти на полтора-два метра, посмотреть.

Ты в это время, естественно, в маске, и человек за дверью скорее всего тоже в респираторе или повязке. Ты на него посмотрел с полтора-двух метров, убедился, не убедился, тот это человек или не тот. Человек должен снять с ручки пакетик с информационными материалами, ручками и бюллетенем, заполнить его где-то там у себя в квартире, вернуться, повесить пакетик на ручку, и на этом его голосование заканчивается.

После того, как все эти урны приходят в помещение участковой избирательной комиссии, все бюллетени должны быть извлечены и помещены в специальный конверт, который должен быть заклеен и помещен в сейф.

Вы понимаете, что такое извлечен из урны? Это значит, что опять разрезали пломбы, все достали. То есть пломб будет очень много, положить туда между, условно говоря, последней квартирой надомника и возвращением в помещение комиссии можно что угодно. Допустим, даже в Москве будут [в помещениях для голосования и в подъездах] камеры. Пока мы на улице, мы с этой урной можем делать

что угодно. А в других регионах без видеонаблюдения любой что угодно может сделать с этим конвертом.

Член комиссии должен все семь дней ходить со всеми этими урнами и следить, чтобы голосовали не соцработники, потому что невозможно отличить людей в маске. А может, это не этот человек? Может, это соцработник?

Если бы у нас были независимые избирательные комиссии, в которых были бы, ну, хотя бы, ну, треть, я даже скажу, половина приличных членов комиссий в каждой комиссии — то они могли бы таким же образом [работать] посменно. Но если, как у нас, к сожалению большому, в основном в каждой комиссии только один человек не административный, он должен работать со всеми и за всех, и только тогда он будет уверен в результате.

Многие члены комиссии не пойдут, потому что опасаются за здоровье — и свое, и избирателей в том числе. Вот у меня, например, родители попадают в группу риска, они оба старше 65 лет. Быть носителем, даже бессимптомным, заразиться от кого-то из избирателей и потом заразить и потерять своих родителей — я совершенно не хочу этого. И любой член комиссии должен об этом думать.

Наша комиссия довольно подконтрольная. Им сказали работать — они работают. Лояльная власти и исполнительная, я бы сказал. Некоторые ко мне обращались члены других комиссий с таким: «Вот ты подписал^[4], как ты думаешь — нам подписывать?

Нам вообще работать, это опасно?». Ну, я им, конечно, говорил: конечно, это опасно, конечно,

нужно подписывать, конечно, не нужно работать. Но поскольку они все бюджетники, вариантов склонить их к работе очень много — начиная с кулаком по столу посильнее, и все, и этого достаточно. А можно сказать: «Ну, ты за свое место держишься?» или «Ну, давай мы тебе побольше заплатим в этот раз».

В прошлые разы ты получал, условно говоря, 15 тысяч или 10 тысяч, в этот раз получишь 20 тысяч или 30 тысяч. Вариантов воздействия на бюджетников миллион.

Василий Вайсенберг, эксперт движения «Голос»

Вся процедура голосования и подсчета регулируется инструкцией ЦИКа. Голосование будет идти семь дней, следить за этим, конечно, невозможно.

Протокол будет сильно урезан, анализировать тоже практически ничего нельзя будет. Поэтому — очень сильное отличие от настоящих выборов.

Это добровольная работа. Конечно, что-то они там получают, но это не профессиональная работа. [Членам комиссий] платят какие-то гроши за всю эту работу. Если на настоящих выборах член комиссии имеет право уйти в отпуск и взять за свой счет, и работодатель обязан ему это предоставить, то здесь вообще такого нет. То есть вы как хотите договаривайтесь со своими работодателями.

В Москве график досрочного голосования, по-моему, с восьми до восьми — как полноценный день голосования, только без подсчета. Мало того, так еще

надо, чтобы люди могли по домам ходить. Это не то, что посадил одного человека в комиссии, он там сидит-дежурит — нужно полсостава как минимум чтобы в день у тебя выходило. То есть кто-то должен сидеть на участке, принимать желающих проголосовать. Не дай бог они еще придумают какой-нибудь шатер во дворе — туда надо кого-то послать. Потом еще группа, а то и две, должны по домам ходить.

Где столько членов-то взять, у которых целая неделя свободная? Наверное, у них есть куча учителей, работников «Жилищника» и всех остальных, которые готовы этим заниматься. Потом им в школе, «Жилищнике» или где-то еще дадут премию. Но если человек работает не в бюджетной сфере, в какой-нибудь фирме или магазине, кто его в здравом уме отпустит на неделю даже за свой счет, с какой радости? Тем более, закон такого не требует.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Списках избирателей.
2. За день до начала голосования.
3. Собрание членов УИК проходило 17 июня.
4. Андрей Вельдер подписал обращение к членам УИК участвовать в забастовке.